

DOI: 10.7868/S0321039118020152

New Approaches to Sidonius Apollinaris. Ed. by Johannes A. Van Waarden and Gavin Kelly. (Late Antique History and Religion, 7). Leuven: Peeters, 2013. 397 p.¹

В 2011 г. в Нидерландском институте высших социально-гуманитарных исследований (*NIAS*) в г. Вассенаре проходил международный семинар под названием «Сидоний Аполлиналий для XXI века», посвященный этому галло-римскому аристократу-епископу и писателю эпохи падения Западной Римской империи. Данная научная площадка стала отправной точкой для создания одноименного международного исследовательского проекта, поддержанного Нидерландским центром патристических исследований (CPO), и публикации рецензируемого сборника.

О Сидонии в мировой науке накоплен довольно объемный массив исследований различной дисциплинарной и методологической направленности². В отечественной историографии дела обстоят несколько иначе. Даже в результате пусть и откровенно запоздалого, но все же логически объяснимого всплеска интереса к поздней античности в России мы до сих пор не имеем более менее фундаментального исследования о Сидонии после монографии С.В. Ешевского «Аполлиналий Сидоний: Эпизод из литературной и политической истории Галлии V в.» (М., 1870)³. Какой-либо полный критический перевод его сочинений на русский язык также еще не готов⁴.

Однако и в целом ощущается, что изучение галло-римского интеллектуала V в. явно недостаточно ни с точки зрения систематичности исследований, ни с точки зрения применяемых подходов, и это приводит к непониманию Сидония и плодов его интеллектуального труда как обычным читателем, так и, порой, специалистами. Убежденностью в этом и руководствовались организаторы упомянутых выше семинара и проекта, конечной целью которого является создание комплексного построчного комментария (comprehensive and line-by-line commentary)⁵ сочинений

¹ Автор выражает благодарность Й. ван Вардену, любезно предоставившему материалы издания: Van Waarden, Kelly 2013.

² На вебсайте, посвященном Сидонию, размещен регулярно обновляющийся список научных работ по данной теме. Этот довольно внушительный справочник имеет целью вобрать в себя все опубликованные когда-либо и где-либо исследования по Сидонию и по сопредельным тематикам. Редакцией справочника занимается Й. ван Варден; URL: <http://www.sidoniusapollinaris.nl/bibliography.htm> (дата обращения: 20.04.2018).

³ Можно назвать не так давно вышедшую монографию Д. В. Буярова, однако по предмету своего изучения она нацелена скорее на выявление особенностей соотношения языческого и христианского пласта в мировоззрении Сидония, а не на воссоздание какой-либо подробной биографии в контексте эпохи (Буяров 2009).

⁴ В настоящее время усилиями Е. В. Литовченко и Н. Н. Болгова из НИУ БелГУ ведется работа по систематическому переводу сочинений Сидония. Также совсем недавно вышел в свет электронный сборник избранных писем Сидония в русских переводах (составитель Й. ван Варден): URL: http://www.sidoniusapollinaris.nl/index_html_files/Sidonius%20Letters%20Russian%20Translations.pdf.

⁵ Речь не идет о публикации перевода текста с привычными подстрочными примечаниями. Здесь имеется в виду единый исследовательский текст с подробным и последовательным разбором каждого пассажа (предложения, строки, отрывки, фразы). Подобного рода комментарии включают в себя разбор как филологического пласта (анализ синтаксиса, семантики, риторики, тропов, стиля), так и исторического и источниковедческого (разночтения и т.д.). Среди недавних попыток подобного

Сидония, отвечающего последним достижениям мировой гуманитарной науки. До этого имелись либо переводы источника с небольшим или односторонним комментарием, либо комплексный комментарий, но не корпуса целиком, а лишь определенной его части.

Рассматриваемый том представляет собой издание трудов коллектива специалистов из различных университетов Старого и Нового Света, апробированных на семинаре 2011 г. «Новые подходы к Аполлинару Сидонию» анонсируют подготовку к созданию нового современного комментария, который находится на стадии разработки. Книга ставит под собой цель с помощью современных разносторонних научных подходов и методов подобрать посредством диалога тот самый ключ, который бы открыл дверь к пониманию Сидония, его слов и его мира, что привело бы исследователей к более взвешенной его оценке в целом. Также не последней задачей издания является поиск общих точек соприкосновения между представителями различных школ — национальных или даже региональных, — в вопросах о том, как должен выглядеть комплексный комментарий.

Помимо введения, издание включает три раздела. Первый повествует о различиях в историографической традиции тех или иных стран в изучении Сидония (*Cultural Diversity in Research*); второй посвящен его стихотворному творчеству (*The Carmina: Poetics and Intertextuality*), а третий — его эпистографии (*The Epistulae: The Collection, Its Aims, and Its Language*). В качестве приложения в книге помещена публикация Хельги Кёлер: обновленные указания на уже издававшиеся ею ранее комментарии к первой книге писем Сидония. Издание снабжено обширным библиографическим разделом, именным и предметным указателями, указателем мест из произведений, а также списком сокращений.

Том открывается вводной статьей главного редактора издания Йохана ван Вардена «Сидоний в XXI веке» (с. 3—23). Вместе с Гэвином Келли ван Варден является основным инициатором и руководителем проекта «Сидоний Аполлинару для XXI века», а также основателем веб-сайта, где собираются научные материалы и анонсируется актуальная информация о событиях в научном мире, касающихся изучения Сидония (см. выше, прим. 2).

Ван Варден ставит задачу дать теоретическое и практическое обоснование «амбициозного» намерения замахнуться на создание большого комплексного комментария столь сложного и зачастую непонятного автора, которого игнорировало не одно поколение европейских исследователей. В связи с этим он пытается ответить на следующие вопросы: «если Сидоний все же так важен, то в чем?»; «будет ли этот комментарий комплексным?»; и наконец, «если да, то как он должен выглядеть?».

Ярчайший показатель маргинального статуса Сидония в современном научном мире нидерландский специалист видит в его несоответствии нынешнему понятию канона⁶. Исходя из этого и принимая во внимание тезис немецкого теоретика комментария Гирлингса о том, что «комментарий должен предшествовать канонизации текста», ван Варден ставит вопрос, возможен ли в таком случае комплексный комментарий на Сидония. Не стоит забывать, что Сидоний «был чарующим стилистическим маяком для своего собственного времени, а затем для Средневековья и Ренессанса, и получил высокое признание, по меньшей мере во Франции, до XVII века включительно». Начиная с эпохи Просвещения канон был подвержен изменениям, в результате чего такие писатели как Сидоний оказались на задворках науки. Таким образом, неопределенности по вопросу о статусе творчества Сидония имеют не такую уж и давнюю традицию. Тем более что, начиная с последней четверти минувшего века, ситуация вокруг галло-римского писателя начинает меняться к лучшему: все меньше и меньше можно увидеть штампов и иронических выпадов в его адрес и по поводу его литературных способностей. Очевидно, ван Варден оценивает это как позитивную тенденцию, которой современные комментаторы должны следовать. По его мнению, Сидоний должен быть интересен как искусный литератор, чьи гениальные аллюзии и способность блестяще использовать классическое наследие в своих целях говорят о нем как о «наилучшем примере позднеантичной эстетики». К тому же, важность его произведений для историков никогда не ставилась под сомнение, и исторические исследования по Сидонию и его эпохе никогда не прекращались.

Что касается восприятия Сидония не только специалистами, но и обычными читателями, ван Варден высказывает интересное соображение, что скорое принятие творческого наследия Сидония читателем XXI в. имеет не только академическую, но и социальную предпосылки. Он может

комментирования Сидония назовем только некоторые: Amherdt 2001; Brolli 2005; Furbetta 2010; Giannotti 2000; Köhler 1995; Santelia 2002; 2012; Van Waarden 2010. Впрочем эти исследования в силу неподъемности целого источника для одного автора были сосредоточены на работе с отдельной(ыми) книгой(ами)/письмом(ами) или стихом(ами).

⁶ Под канонном в данном случае подразумевается актуальность какого-либо литературного произведения для общества определенной эпохи и, соответственно, в этой актуальности выражается реальная потребность общества в конкретном произведении.

ответить на многие экзистенциальные, психологические и эстетические вопросы, ответы на которые ожидает услышать современный читатель. Традиционализм позднеантичного мышления и твердый индивидуализм современного мышления не так далеко отстоят друг от друга, как это кажется на первый взгляд. Первый, словно скрытый модернизм, говорит ван Варден, который может адаптировать старые знания к новым обстоятельствам⁷. Не хотел ли тем самым автор сказать о схожести европейского настоящего с реалиями поздней античности, если говорить о кризисности и даже транзитивности? Если так, то может ли читатель в порой смутных и чужих ему по эстетике и менталитету произведениях полуторатысячелетней давности расслышать актуальные для себя отголоски тревожащего настоящего?

Ван Варден пытается дать методологический ориентир для комплексного комментария. Одновременно признавая малое влияние постструктурализма на изучение Сидония и абсолютное отсутствие какой-либо методологической строгости в нем, как свидетельство трезвой основы для предстоящего комплексного исследования, он, очевидно, видит перспективу в поиске интертекстуальной и интратекстуальной основы в творчестве Сидония. Рассматривая основные положения таких теоретиков комментария, которые, с одной стороны, исповедуют классическую форму комплексного построения комментария, заключающегося в мультидисциплинарной интерпретации на микроуровне, и тех, кто отстаивает позицию, что классический построительный комментарий очень громоздок и вредит интерпретации на мезо- и макроуровнях, с другой, ван Варден формулирует следующие ключевые критерии, цели и принципы, которые должен иметь комплексный комментарий на Сидония в XXI в.: комментарий — это неотъемлемая часть такого же комплексного исследования, которая обеспечивает последнее теориями, методами и вопросами; соблюдение принципа мультидисциплинарности (от традиционных дисциплин до текстуальной лингвистики и нарратологии); комментарий должен разрабатываться международным исследовательским коллективом; он адресован как специалистам и студентам, так и широкому кругу читателей; все переводы должны быть свежими; он должен содержать большой, но удобный вспомогательный аппарат (введение, указатели, библиография); комментарий должен предусматривать электронные компоненты для создания многослойной площадки, а также для возможности его дальнейшего совершенствования. Резюмируя все вышесказанное, автор уверен, что подошло время и все готово для первой попытки комплексного комментария на творчество Сидония.

Первый раздел тома открывается тремя статьями, которые посвящены культурным различиям в исследованиях, определивших специфику изучения Сидония в национальной традиции европейских стран. Учитывая, что авторы этих статей уже имели опыт составления комментариев на избранные произведения Сидония, научно-исследовательский коллектив проекта руководствовался, во-первых, желанием иметь определенные опытные образцы комплексного комментария, и, во-вторых, целью выявить специальные методы и механизмы для более продуктивного интернационального сотрудничества на этапе составления комментария.

Давид Амхердт в статье «Сидоний во франкоязычных странах» (с. 23–37) пытается проследить историю изучения Сидония во Франции начиная с XVI в. до настоящего времени, от первых издателей Сидония, таких как Элье Винье и Жан Саварон, до современных нам Пойно и Стёр-Монжу. В связи с этим следует внести одно уточнение: речь идет не о франкоязычных исследованиях, а об исследованиях на франкоязычной территории, ибо первые *savants* во франкоязычном регионе писали исключительно на латыни. Кроме того, в свете основной цели книги исследователь из швейцарского Фрибура ставит задачу показать особенности традиции французского комментария на Сидония, в которой он выделяет два основных направления. Во-первых, это издание источника параллельно с переводом и комментариями. Второе направление — это привязка к биографии Сидония. Это небольшое число исследований, и они довольно различны по характеру и по применяемой методологии. Как подчеркивает Амхердт, этот факт должен указывать на осторожность французской исследовательской традиции в систематизации, что в свою очередь определяет отсутствие какого-либо комплексного комментария. Характерная особенность этих исследований состоит в значимости локальных интересов, будь то французских, или овернских⁸. Последний же элемент более значителен. Многие французские исследователи Сидония были из Оверни. Не было ничего удивительного и крамольного в том, что они проявляли свой историко-литературный интерес к этому *Lyonnais*, ставшему *Clermontois*. Но порой этот их интерес к *Sidonius noster* переходил в фанатичное желание прославить своего знаменитого соотечественника. Классический пример — биография, написанная клермонским историком Оверни Л.-А. Ше, чей труд представляет собой, по выражению швейцарского ученого, «слепой панегирик» «пылкого овернца». Данное обстоятельство наводит нас на мысль: не это ли яркая иллюстрация

⁷ См. Tuulenev 2014.

⁸ Сидоний был епископом города Клермон, что в регионе Овернь.

продолжения традиций того провинциального патриотизма, который порой был присущ еще самому Сидонию и другим галло-римским аристократам? Вполне ожидаемо, что двумя серьезными вехами в деле изучения Сидония Амхердт считает появление в 1836 г. совместного перевода Ж.-Ф. Грегуара и Ф.-З. Коллёмбе, и выход в свет в 1960–70-х годах прорывного перевода с критическим изданием А. Луайена. Труд последнего имеет огромный авторитет в научном мире и до сих пор используется большинством специалистов в качестве критического издания. По громкому, но отчасти справедливому замечанию Амхердта, «работы Луайена определенно заменяют собой все предшествующие издания и переводы, которые имели место во франкоговорящем мире» (с. 30). Если в издании Грегуара и Коллёмбе построчный комментарий был довольно слабо разработан, то у Луайена тот и вовсе практически отсутствовал, но он его компенсировал общими текстовыми замечаниями. Подобное rebellion of French spirit against linear commentary on the grand scale Амхердт определяет как главную особенность французских исследователей, которые менее склонны к «самоограничению» в отличие от северных народов. В постлуайеновское же время мы встречаем только биографические или литературные работы о Сидонии⁹.

Вместо заключения Амхердт добавляет ряд собственных рекомендаций к современному комментарию на письма: комментарий должен быть построчным¹⁰; комментарий должен предваряться текстом письма с параллельным переводом; также интерпретационной части комментария должно предшествовать вступление, вводящее читателя в курс дела о проблемах, которые связаны с историей написания письма и его изучения; комментарий должен содержать историческую справку о событиях, местах, личностях или материальных памятниках, которые упоминаются в тексте, давать ответы на вопросы о языке текста, его морфологии, синтаксисе и грамматике (опора на широкий круг читателей); следует уделять внимание характеристикам стиля, тропам и фигурам, ритмической структуре текста; использовать последние достижения нарратологии, лингвистики и литературоведения; особый акцент должен делаться на раскрытии интертекстуальности (аллюзий и параллелей), а также на выявлении общих мест в текстах Сидония, будь то риторические и эпистолографические топосы или топоры, характерные для христианской литературы; при анализе источника также нельзя забывать о социальной функции писем этого автора; и, наконец, комментарий должен содержать комплекс indices.

Из статьи Хельги Кёлер «Сидоний в немецкоязычных странах» (с. 37–47) мы видим, что в Германии ситуация с полным переводом Сидония, сопровождаемого комментарием, менее радужна, чем во Франции: он отсутствует¹¹. Однако немецкая наука традиционно уделяла тщательное внимание критике текста и изданиям источника. И посему совершенно не случайно появление полного критического издания стихов и писем Сидония в *MGH* в 1887 г. и последующего издания П. Мора 1895 г. С первой половины XX в. интерес к Сидонию постепенно угасает. По выражению самой Кёлер, modest renaissance интереса к произведениям галло-римского автора приходится в немецкоязычных странах на конец XX в. В это время немецкие и австрийские ученые подарили нам труды по просопографии, эпистолографии и социальной истории. Также вернулась традиция филологического и лингвистического анализа. Таким образом, исследовательские ориентиры в этом регионе были более разнообразны. Тем не менее о какой-либо общей традиции или преемственности в исследованиях говорить не приходится.

Как и Амхердт, Кёлер видит одно из наиболее перспективных направлений исследования в раскрытии социокультурного феномена посланий Сидония как community art¹². На основе личного опыта она дает собственные рекомендации, но главным образом по структуре работы. I раздел должен представлять собой общее введение, которое подразделяется на следующие параграфы: жизнь автора; письма, входящие в конкретную книгу, структура книги; краткое описание языка и стиля; анализ устройства текста; и некоторые ремарки от себя или предшествующих комментаторов. II раздел содержит источник в билингве (оригинал – перевод). III раздел – непосредственно комментарии на каждое письмо по отдельности. Здесь Кёлер дает указания по

⁹ Амхердт может вспомнить только собственный комментарий на IV книгу писем Сидония, который, впрочем, продолжает немецкую традицию большого комментария с основательным упором на филологическую составляющую (Amherdt 2001).

¹⁰ Амхердт мотивирует эту позицию тем, что степень сложности источника и его языка очень высока.

¹¹ Если не учитывать издание Кёлер перевода I книги писем Сидония (Köhler 1995).

¹² Community art – понятие, впервые примененное по отношению к письмам Сидония Й. ван Варденом в 2010 г., и ставящее акцент на социальной функции писем в галло-римском аристократическом (и епископском) сообществе. Письма являлись своего рода инструментами создания определенной социальной сети (Van Waarden 2010, 65).

составлению комментария. Впрочем, они мало отличаются от тех, о которых говорил Амхердт. IV раздел содержит вспомогательный и библиографический материал.

Кёлер также высказывает соображения о концепции перевода и его стиле. Каким должен быть перевод Сидония в XXI веке? Общий посыл автора таков: перевод не должен являться упрощением оригинального текста. Сидоний должен предстать перед современным читателем именно таким, каким он хотел предстать перед своими респондентами, раскрывать все грани и смыслы оригинала, даже те, о которых переводчик не хочет говорить. Довольно справедливое замечание. Однако не рискует ли переводчик, выдерживая данную линию, не то чтобы упростить текст, а, наоборот, усложнить его, что может привести к смутному пониманию смысла? Кажется, что избежать второго не легче, чем первого. Кёлер упускает этот момент.

В обзорной статье Стефании Сантелиа «Сидоний в Италии» (с. 47–63) рассматриваются достоинства и недостатки итальянской историографии по сравнению с другими национальными школами. Начнем с преимуществ, которых у итальянской школы, безусловно, больше, чем недостатков. Это, в первую очередь, обильная и разносторонняя библиография. Как замечает Сантелиа, особое внимание в Италии традиционно уделялось поэзии галльского писателя, а уже затем его корреспонденции. Основной тренд итальянских исследований в основном лежит в плоскости не исторических, но филологических штудий (особенно в выявлении интертекстуальности), достижения которых максимально важны для предпринятого проекта. Также среди объектов исследований итальянских специалистов были такие немаловажные темы, как ментальность Сидония, его значение как епископа Церкви, его семья, происхождение и т.п. Однако свой перевод итальянская наука так и не внесла в общий кладезь знаний о Сидонии. Комментарий же только частичный — это комментарии на отдельные стихи Дж. Равенны, Т. Бролли, С. Филозини, Л. Фурбетта и, наконец, самой Сантелиа. Но главный недостаток, говорит автор, заключается в низкой степени трансляции плодов итальянской науки через Альпы в остальное европейское пространство.

Как специалист по позднеантичной поэзии Сантелиа делится личным опытом комментирования *Carmina minora* Сидония¹³. Ключевым условием, благодаря которому возможно успешное изучение и, соответственно, комментирование творчества Сидония, и его стихов в частности, Сантелиа полагает привлечение к проекту, наравне с филологами-классиками, специалистов в области патристики и позднеантичного христианства в целом, поскольку, вопреки распространенным убеждениям, творчество Сидония содержит серьезный христианский пласт, который еще предстоит вскрыть¹⁴.

Если к этому обзору добавить еще несколько страниц из вводной статьи ван Вардена, где он в общих чертах обрисовывает историографию вопроса в Англии, Испании, Польше и даже в Японии, читатель получит довольно ясную картину современного состояния, актуальных проблем и дальнейших перспектив исследований Сидония в мире. Конечно, отечественный читатель может озадачиться игнорированием опыта российских исследователей. Однако, по словам руководителей проекта, работа с трудами российских ученых в настоящий момент ведется, и результатом ее должен стать обзорный параграф в *Prolegomena* к первому тому предстоящих комментариев. Таким образом, мы можем ожидать более обстоятельного знакомства зарубежного читателя/специалиста с трудами отечественных авторов в ближайшем будущем.

Второй раздел «*Carmina*: поэтика и интертекстуальность» открывается статьей специалиста по античной, средневековой, а также современной нидерландской поэзии Пита Гербранди. Сразу бросается в глаза ее провокационный заголовок: «Неуспех поэзии Сидония» (с. 63–77). Период большей части XX в., когда «поэтический гений» Сидония ставился под большое сомнение, словно квинтэссенцией выразившееся в разгромном пассаже У. Андерсона во введении к его переводу Сидония, в XXI в. сменяется более сбалансированной оценкой его стихотворного творчества. Такие современные специалисты, как Дж. Равенна, Ф. Руссо и С. Кондорелли, считают его блестящим создателем аллюзий и оригинальным поэтом, которому мастерски удалось адаптировать наследие классической традиции. Однако, изначально довольно скептически подходя к Сидонию как позитивному поэту, Гербранди волной критики обрушивается на эпиталамы Сидония Полемию и Арназоле (*Sid. Carm.* XIV, XV). Исследователь видит здесь абсолютное нарушение традиции свадебной песни, что выражалось в «неуместности» используемых Сидонием образов и аллюзий. Гербранди, кажется, возвращается к уже утратившему свою актуальность критическому подходу прошлых лет. Однако под пеленой намеренной критики автор пытается на примере чудакowości, вычурности и даже оскорбительности поэтического стиля Сидония продемонстрировать сложность его прочтения читателем XXI в. Это и есть та самая «культурная дистанция», которая разделяет человека современности и человека поздней античности, без

¹³ См. Santelia 2002; 2012.

¹⁴ См. Manukyan 2014.

преодоления которой будет невозможно приблизиться к пониманию Сидония. Именно это должно стать задачей номер один для исследователей.

Этот вектор подхватывает Давид Рийсер в статье «Поэтика включения у Сервия и Сидония» (с. 77–93), где даются уже более четкие ответы на поставленную Гербранди проблему. Для лучшего понимания и более взвешенной оценки творчества Сидония, которое уже порядочное время рассматривается в таких эстетических концептах, как «неоалександринизм», «лептология», «jeweled style»¹⁵, а также поэтика «блеска» и «фрагментации», необходимо подойти к этому вопросу с другой стороны, уверен автор статьи. Так, опираясь на *maximalistic hypothesis* о том, что любое классическое произведение по умолчанию является нормой в глазах по крайней мере одного типа общества, исторического или современного ему, и нормой относительно хотя бы одной формы эстетики, Рийсер проводит параллель между Сидонием и Мавром Сервием Гоноратом. В основе данного анализа лежат комментарии Сервия на Вергилия, текст которых, сродни сидониевому, порой грешит неточностями, недосказанностью и полон пустых рассуждений далеких от предмета разговора. Творчество этих писателей может быть описано понятием включения (*inclusion*) — не то, что текст в действительности говорит, но то, что он должен был содержать: реальные вопросы и проблемы, которые волновали людей того времени. Наличие в тексте огромного культурно-исторического материала наряду с отсутствием последовательности и порой даже его уместности становится нормой для новой формы эстетики. Для обоснования своей точки зрения нидерландский исследователь привлекает концепцию культурной памяти немецкого египтолога, культуролога и религиоведа Яна Ассмана¹⁶. По теории Ассмана, когда традиции и культура прошлого постепенно приходят в забвение, появляются такие интеллектуалы, которые берут на себя функции сохранения культурного наследия, создают нечто вроде коллективной памяти, тем самым поддерживая собственную идентичность. Позднеантичная литература была настоящим орудием сохранения многовековой культуры.

В отличие от работ нидерландских специалистов, подчеркивающих грубую форму интертекстуальности у Сидония, едва входящую в тесную связь со своими корневыми гипотезами, в следующих статьях двух итальянских исследовательниц упор делается на более развитую интертекстуальность. Эти статьи представляют собой классический пример современного подхода к поэтическим сочинениям Сидония, заключающегося в пересмотре устаревших клише и переносу исследовательского внимания со стиля текста на технику выполнения приемов и аллюзий (как раз тот тренд, который выше описывал Гербранди). Так, в работе Тицианы Бролли «Комментируя панегирики Сидония» (с. 93–111) на примере панегирика Майориану предлагаются определенные исследовательские стратегии, используя которые, по мнению автора, возможно не только вскрыть интертексты в поэзии Сидония, но и пересмотреть жесткую оценку его панегириков, принятую с легкой руки Луайена еще в прошлом веке. Среди этого методологического арсенала подчеркивается внимание к параллелям, используемым в тексте, потребность чтения на мезо- и макроуровнях, важность нелитературных источников, взгляд на панегирик как на перекресток литературных жанров, а также поиск зашифрованных текстов.

Сильвия Кондорелли в статье «Импровизация в поэтической программе Сидония» (с. 111–133) на примере двух стихотворений из *Ep. IX. 13* пытается найти правильные подходы к интерпретации его поэзии. Эти строфы появились на свет после того, как Тонанций попросил Сидония прислать ему праздничные стихи, исполненные соответствующим жанру асклепиадовым метром. Однако любопытно, что первый стих — это отклонение (*recusatio*) от праздничного стиха, от метра, который как раз и требовал Тонанций в данных обстоятельствах. Вопреки ожиданиям, второй стих подчиняется требованиям, хотя написан анакреонтовым метром. Кондорелли отказывается следовать мнению о некомпетентности Сидония в искусстве стихосложения и выдвигает довольно любопытные интерпретации подобной импровизации. В первом случае *recusatio* от праздничного стиха — это проявление топоса смирения епископа, чья *professio religiosa* не соотносится с поэтическим творчеством. Во втором стихе специфика применяемого метра — это своего рода ностальгия епископа Сидония по Сидонию — молодому поэту, сочинявшему стихи анакреонтовым метром. Таким образом, вместе эти стихи становятся своеобразной метафорой душевной борьбы его прошлого и настоящего.

Раздел завершается двумя статьями, анализирующими особенности аллюзий у галльского поэта. Анник Стёр-Монжу через изучение аллюзий проводит попытку раскрыть интертекстуальную связь между Сидонием и Горацием: «Сидоний и Гораций: искусство памяти» (с. 133–171). Выбор именно

¹⁵ Речь идет о термине, впервые примененном английским исследователем Майклом Робертсом в одноименной книге, посвященной формированию новой эстетики в поэзии, поэтике и искусстве в эпоху поздней античности (Roberts 1989).

¹⁶ Assman 1997.

Горация в качестве гипотекста Сидония, и, соответственно, свой исследовательский подход исследовательница из Клермон-Феррана объясняет двумя причинами: во-первых, Гораций был чрезвычайно важен для Сидония как блестящий поэт и образец для подражания древнему автору; во-вторых, (что, возможно, парадоксально) аллюзии на Горация встречаются у Сидония не так часто, как на других авторов. Это обеспечит компактность исследовательского поля, что исключит неподъемность материала. Современный читатель Сидония должен понимать своего автора, должен понимать то, как и для чего тот пишет, а самое главное — понимать, что хранится в его *mental library* и как оно воспроизводится. Это и есть *art of memory*. Следуя за своими итальянскими коллегами, французская исследовательница также предлагает определенный методологический инструментарий, который бы помог раскрыть интертекстуальность, зашифрованную в косвенных ассоциативных аллюзиях, которые тяжелее отличить от прямых. Стёр-Монжу предлагает метод сосредоточения (*concentration*). Говоря иначе, следует обращать внимание на целый ряд обстоятельств, а в частности: место расположения аллюзии в стихе или в общем корпусе. Нельзя упускать и такие факторы, как стремление к поэтическим состязаниям или восхвалениям, а также фактор личности адресата. В качестве вывода Стёр-Монжу выдвигает тезис, что подобные аллюзии на Горация способствовали созданию некоего единого текстового поля, где и поэзия и проза превратились в единую поэтическую прозу, границы между которыми перестали быть реальными.

Шотландский исследователь Гэвин Келли в статье «Сидоний и Клавдиан» (с. 171–195) предлагает нам несколько иное видение подхода, сделав ставку на более систематическое исследование и взяв при этом за основу аллюзии Сидония на Клавдиана на фоне общей интертекстуальной связи. Дело в том, что если сравнивать Горация с Клавдианом, то последний занимает более предпочтительное место в умственной библиотеке Сидония, что доказывает большая частотность ссылок и аллюзий на него у галльского писателя. Келли фокусируется на жанре и на предметном исследовании панегириков Авиту и Антемию. Он приходит к заключению, что характерные особенности панегириков Сидония можно определить принципиальной интертекстуальной взаимосвязью с Клавдианом. Исходя из этого, Келли делает акцент на том, что по данному образцу можно найти и общий принцип составления Сидонием аллюзий для своих произведений. Также нужно отметить, что и Стёр-Монжу и Келли приходят к общему заключению, что его аллюзии носили подражательный и соревновательный характер.

Третий, и последний, раздел книги «*Epistulae*: сборник посланий, их цель и язык» начинается с занимательной статьи английского филолога Роя Гибсона с не менее любопытным названием «Читая письма Сидония по книгам» (с. 195–221). Гибсон предлагает новый метод для установления принципа, по которому послания были распределены по девяти книгам. Именно здесь мы можем обнаружить еще одну интертекстуальную связь между Сидонием и древними латинскими писателями. В этот раз с Плинием Младшим. Специалист по античной эпистолографии Гибсон доказывает, что принцип компоновки писем Плинием оказал существенное влияние на композиционный план девяти книг посланий Сидония. Автор заостряет внимание на том, как важно рассматривать и прочитывать книгу как целостный смысловой блок, особенно это необходимо понимать при интерпретации Сидония. Он воспринимал Плиния как на уровне одной книги словно микроблока, так и всего корпуса книг как цельной архитектуры. Особенно это отразилось на книгах, которыми начинается (I–II) и заканчивается (VII–IX) сборник. Предельно важно отметить, что Гибсон при поиске параллелей сосредотачивает свой анализ именно на макроуровне. Так, например, в первой открывающей сборник книге у Сидония как и у Плиния, собраны письма, относящиеся к короткому периоду в 2–3 года (в отличие от остальных); в каждой из первых трех книг оба автора обозначают вступление ими в значимую должность: в III книге Сидония можно уловить даже некоторое противопоставление аналогичной книге Плиния. Именно в этой книге Сидоний первый раз появляется в качестве епископа, тогда как главной темой III книги посланий Плиния становится достижение должности консула. Также Гибсон заостряет внимание на «ложных» концовках («false» endings) в VII и VIII книгах сборника Сидония, которые представляют собой намеренную параллель ложным концовкам некоторых книг Плиния. Что касается ментального единства, то кульминационная нагрузка, характеризующаяся ощущаемой подавленностью настроения Сидония (о которой высказывался еще Раймонд ван Дам¹⁷), как и у Плиния приходится на VII–IX книги сборника. Вполне вероятно, подводит итог Гибсон, подражание классическим авторам имело определенную культурную ценность для позднеантичного интеллектуала.

Если филолога Гибсона интересует прежде всего ментальное единство писем Сидония в сборнике, хронологическая составляющая которых была принесена в жертву композиции, то американского специалиста по позднеантичной Галлии Ральфа Матизена как историка первым делом

¹⁷ Van Dam 1985.

заботит их хронология. В статье «Датировка писем Сидония» (с. 221–249) Матизен пытается подобрать ключи к сложному и запутанному вопросу, который пытается решить не одно поколение исследователей: какой метод более эффективен при датировке писем Сидония? Вопрос датировки должен стать одним из необходимых пунктов комплексного комментария для каждого письма. Это реальная проблема, ибо только немногие послания дают возможность с максимальной точностью определить время их написания и время, о котором идет речь в самом нарративе. Существует традиционный алгоритм так называемых опорных точек, пользуясь которым можно установить дату, а именно: по известным историческим событиям и по этапам жизни Сидония. Но ссылки на известные события присутствуют лишь в небольшом количестве писем. Следовательно, должны быть применены другие обходные пути, *indirect methods*. Среди них автор выделяет датировку по периодам, когда были изданы книги сборника, и датировку письма по принципу сопоставления с другими письмами, хронология которых уже установлена. Основываясь на своем опыте изучения эпистографии Руриция Лиможского, Матизен рассматривает эти методы в контексте гипотезы об использовании Сидонием при издании сборника архивных досье (*dossier hypothesis*). Матизен уверен, что только поняв основной принцип распределения писем по книгам, можно приблизиться к наилучшему методу поиска даты. Исследователями ранее замечалось, что несмотря на кажущееся отсутствие общего принципа в формировании сборника некоторые ряды писем Сидония все же отвечают определенной логике. Считалось, что он специально вставлял определенные письма в определенную книгу. Но Матизен иного мнения: это, собственно, и были те самые досье, со временем и на скорую руку вставленные Сидонием в книги из своего личного или епископского архива, подготовленные им заранее по интересующему его принципу (время, адресат, тематика, география). Подобная организация сборника и есть та основа, за которую нужно цепляться при датировке посланий. Хотя гипотеза Матизена мало вяжется с концепцией Гибсона, все же нет оснований утверждать, что они полностью исключают друг друга.

Зигрид Мрачек в статье, озаглавленной «Создавая идентичность из прошлого: конструкция истории в письмах Сидония» (с. 249–273), наглядно иллюстрирует важность идентификации аллюзий в творчестве Сидония для правильной оценки его как искусного писателя и литератора. Традиционно исследователи считали Сидония банальным *imitator*, создающим чересчур прозрачные аллюзии. Но, раскрывая смысл и функциональность ряда смысловых образов из *Ep. VII. 7* (письмо епископу Греку об осаде вестготами Клермона¹⁸), Мрачек демонстрирует, что Сидоний был не так прост, как полагали ранее, и являлся поистине *extraordinarily allusive author*. Используя мифологические данные Лукана о родстве овернцев с троянцами, Сидоний намеренно, но очень тонко и аккуратно представляет Клермон в образе осажденной Трои, а сам через особенности нарратива персонифицирует себя в роли легендарного Деция Магия – гражданина Капуи, яро выступавшего во время Второй пунической войны против сдачи города Ганнибалу. Если принять во внимание, что основателями Капуи были троянцы, то образы обретут словесное единство и явный замысел: это демонстрация масштабов сопротивления, тягот, вынесенных при осаде, а также личной роли самого Сидония; но в конечном счете город был предательски дан. Аллюзии у Сидония превращаются в настоящий инструмент создания идентичности из прошлого. Мрачек абсолютно верно замечает, что Сидония более интересует обращение к истории, а не ее пересказ. Он предстает блестящим создателем новых методов реконструкции истории. Образы, которые он призывает из прошлого, воплощаются, чтобы вступить в диалог с его аудиторией, и тем самым актуализируются.

Последний раздел книги завершается статьей нидерландского лингвиста Родри Рисселады «Применение текстуальной лингвистики к Письмам Сидония» (с. 273–305). Рисселада по сути начинает работу на еще не вспаханном поле: она исследует тот лингвистический базис, на котором и был основан стиль Сидония. О взаимосвязи между синтаксисом и стилем Сидония еще никто не писал (т.е. применяя как литературоведческий, так и лингвистические подходы к тексту). Рисселада уверена, что при изучении именно этого пласта появляется возможность выявить индивидуальное писательское самосознание Сидония. Задействовав метод прагматического анализа дискурса, позволяющий рассматривать текст (дискурс) как площадку для социокультурного взаимодействия автора (субъекта) и читателя (адресата), исследовательница приходит к заключению, что вопреки всему язык Сидония был чрезвычайно классическим, что выражалось в синтаксисе, а также в используемых им референциальных выражениях, частицах и, наконец, приемах построения структуры нарратива. Именно здесь можно понять природу всей корреспонденции Сидония как

¹⁸ В 475 г. Грек в составе коллегии епископов подписал договор с вестготским королем Эйрихом о разграничении некоторых территорий Южной Галлии, одним из пунктов которого была сдача осажденного Клермона варварам, на что Сидоний как один из лидеров сопротивления ответил Греку письмом, полным негодований и просьб разорвать соглашение (Pikin, Manukyan 2016).

таковой: он устанавливал и выражал решительные отношения со своими адресатами не только через содержание послания, но и посредством его особого языкового уровня.

Несложно заметить, что «Новые подходы к Аполлинару Сидонию» характеризуются четкой диалогичностью подаваемого материала: это демонстрация необходимости подходить к проблеме Сидония с разных ракурсов, с богатым набором вопросов и осторожностью в высказывании категорических тезисов. Это и есть сущность комплексного комментария, которому претит односторонность методологии. Вполне вероятно, что знакомство отечественного исследователя Сидония и культуры поздней античности с этим изданием даст ему общие представления о последних тенденциях, инновационных методах и ключевых проблемах, которые имеют место в современной *Sidoniana*. Наконец, и это, пожалуй, самое главное, безусловную ценность имеет опыт иностранных коллег в разработке и подготовке перевода и комплексного комментария сочинений Сидония, ибо стоит надеяться, что рано или поздно усилиями отечественных специалистов Сидоний полностью заговорит по-русски.

Литература / References

- Amherdt, D. 2001: *Sidoine Apollinaire. Le quatrième livre de la correspondance. Introduction et commentaire*. Bern.
- Assman, J. 1997: *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München.
- Brolli, T. 2005: *Sidonio Apollinare. Il panegirico di Maggioriano*. Traduzione e commento (PhD thesis University of Turin).
- Buyarov, D.V. 2009: *Mirovozzrenie i sochineniya Sidoniya Apollinariya v kontekste pozdneantichnoy kul'tury* [Outlook and Writings of Sidonius Apollinaris in the Context of Late Antique Culture]. Blagoveshchensk.
- Буяров Д.В. *Мировоззрение и сочинения Сидония Аполлиария в контексте позднеантичной культуры*. Благовещенск.
- Furbetta, L. 2010: *Sidonio Apollinare e l'imperatore Eparchio Avito. Testo, traduzione e commento dei carmi 6, 7 e 8*. (PhD thesis University of «La Sapienza» Rome).
- Giannotti, F. 2000: *Il terzo libro delle Epistole di Sidonio Apollinare: introduzione, traduzione e commento*. (MA thesis University of Siena).
- Köhler, H. 1995: *C. Sollius Apollinaris Sidonius Briefe Buch I: Einleitung, Text, Übersetzung, Kommentar*. Heidelberg.
- Manukyan, E.M. 2014: *Perepiska Sidoniya Apollinariya i Lupa Truaskogo* [The Correspondence of Sidonius Apollinaris and Lupus of Troyes]. Ivanovo.
- Манукян, Э.М. *Переписка Сидония Аполлиария и Луна Трояского*. Иваново.
- Pikin, A.V., Manukyan, E.M. 2016: *Rimsko-gotskie peregovory 474–475 gg. glazami Ennodiya i Sidoniya Apollinariya* [Roman-Gothic Negotiations of 474–475 through the Eyes of Ennodius and Sidonius Apollinaris]. Nizhny Novgorod.
- Пикин, А.В., Манукян, Э.М. *Римско-готские переговоры 474–475 гг. глазами Эннодия и Сидония Аполлиария*. Нижний Новгород.
- Roberts, M. 1989: *The Jeweled Style. Poetry and Poetics in Late Antiquity*. Ithaca (NY).
- Santelia, S. 2002: *Sidonio Apollinare. Carme 24. Propempticon ad libellum. Introduzione, traduzione e commento*. Bari.
- Santelia, S. 2012: *Sidonio Apollinare. Carme 16. Eucharisticon ad Faustum episcopum. Introduzione, traduzione e commento*. Bari.
- Tyulenev, V.M. 2014: *Slovo protiv mecha: novoe sodержanie romanitas u Ennodiya* [The Word against the Sword: New Implications of 'Romanitas' in the Works by Ennodius]. Nizhny Novgorod.
- Тюленев, В.М. *Слово против меча: новое содержание romanitas у Эннодия*. Нижний Новгород.
- Van Dam, R. 1985: *Leadership and Community in Late Antique Gaul*. Los Angeles.
- Van Waarden, J. 2010: *Writing to Survive. A Commentary on Sidonius Apollinaris, Letters Book 7. Vol. 1: The Episcopal Letters 1–11*. Leuven.
- Van Waarden, J., Kelly, G. (eds.) 2013: *New Approaches to Sidonius Apollinaris*. (Late Antique History and Religion, 7). Leuven.

Eduard M. Manukyan,
Ivanovo State University,
Ivanovo, Russia
E-mail: manukyan_33@mail.ru

Э.М. Манукян,
Ивановский государственный университет,
Иваново, Россия